

Секция «История социально-политических учений России»
**Влияние внешней политики Российской империи на русскую консервативную
мысль первой половины XIX века**

Горохов Андрей Анатольевич

Сотрудник организации

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет
политологии, Москва, Россия

E-mail: studes@yandex.ru

Помимо внутривластных процессов на содержание консервативной мысли в России[1] влияли внешнеполитические тенденции. В октябре 1800 года Павлу I главой внешнеполитического ведомства — первоприсутствующим Коллегии иностранных дел, графом Ф. В. Ростопчиным была представлена записка (по сути, концепция внешней политики Российской империи), в которой обозначалась лидирующая роль России в мировой политике. Ростопчин подчеркивал: «Россия, как положением своим, так равно и неистощимой силою, есть и должна быть первая держава мира. . .»[2]. Если геополитическое положение и военная сила в начале XIX века рассматривались как единственные факторы лидерства, то после победы России в Отечественной войне 1812 года и победоносного вхождения 31 марта (19 марта по ст.ст.) 1814 года русской армии во главе с Александром I в Париж этого стало недостаточно.

После победы над Наполеоном в Европе формируются новые отношения, и как следствие, Александр I принимает «звание блюстителя Европейского порядка»[3]. Новые политические реалии требовали идеологического обоснования лидирующей роли России, необходимо было работать с просвещенным европейским общественным мнением — формировать образ Империи, которая не только силой оружия, но исторически и культурно является распорядительницей судеб европейских народов. Безусловно, такому образу в Европе противопоставлялось иное, русофобское, негативное представление о России. Погдин обозначил эту тенденцию очень точно: «Газетным воплям их против России нет пределов, а понятия о ней немцы не имеют никакого. Толкуют о страсти к завоеваниям, об отвращении от всякого образования, о безнравственности низшего духовенства, о крестьянском рабстве, о жестокости с солдатами и крепостными людьми. . .»[4]. Именно русские консервативные мыслители первой половины XIX внесли огромный вклад в идеологическое, культурное и историческое обоснование лидирующего положения России, как в европейской, так и мировой политике.

Потребность в такой идеологии возникла в России еще и вследствие того, что религиозно-политическая концепция старца Псковского Елеазарова монастыря Филофея «Москва — третий Рим», обеспечивающая нравственную и духовную основу российской государственности, после реформ Петра I и подчинения православной церкви государством, утратила к XIX веку в обществе былое влияние. Именно об утрате духовной и идейной основы российской государственности писал Н.М. Карамзин: «Имя Русского имеет ли теперь для нас ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? И весьма естественно: деды наши, уже в царствование Михаила и сына его присвоивая себе многие выгоды иноземных обычаев, все еще оставались в тех мыслях, что правоверный Россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а Святая Русь — первое Государство. Пусть назовут то заблуждением; но как оно благоприятствовало любви к Отечеству и нравственной силе оно! Теперь же, более ста лет находясь в школе иноземцев, без дерзости можем ли похвалиться своим Гражданским достоинством?»[5]. Поэтому консервативные мыслители, создавая идеологическую платформу мирового лидерства России, параллельно воссоздавали духовную и идейную основу существования и развития Российского государства.

Этот поворот к обоснованию идеологического, гуманитарного лидерства обнаруживается в 1814 году, в стихотворении Н.М. Карамзина «Освобождение Европы и слава Александра I», в котором историк заметил: «Цари! всемирную державу / Оставьте богу одному! / ... / Не для войны живет властитель: / Он мира, целости хранитель»[6]. Более точный запрос на идеологическое обеспечение политического лидерства России сформулировал в 1818 г. С. С. Уваров: «Времена завоеваний протекли. . . Завоевание без уважения к человечеству, без содействия новых, лучших законов, без исправления состояния побежденных — тщетная, кровавая мечта; но побеждать просвещением, покорять умы кротким духом религии, распространением наук и художеств, образованием и благоденствием побежденных — вот единственный способ завоевания, от коего можно ожидать прочности вековой, и который может некоторым образом освятить право сильного и народное славолубие»[7]. Таким образом, для достижения и удержания мирового политического лидерства Уваров считает необходимым более широкое использование знаний, культурных ценностей, политических концепций[8].

Консерваторы выводили лидирующее положение России преимущественно из особенностей исторического развития страны и организации государственной власти. На наш взгляд, наиболее значимые идеологические концепции такого рода были сформулированы С. С. Уваровым и М. П. Погодиным.

Концепция Уварова является, по сути, исторической, так как он считал, что на каждом этапе своего развития мировая политика и культура выдвигает на авансцену истории одно государство, которое собирает накопленный человечеством политический и культурный опыт и развивает его согласно своим традициям. В XIX веке таким государством становится Россия. Контуры этой концепции Уваров наметил в работах «Исследование об элевсинских таинствах», «Проект Азиатской академии», развернутое обоснование дал в своей речи в торжественном собрании Главного педагогического института 22 марта 1818 года.

В свою очередь, норманнская теория происхождения российской государственности служила М.П. Погодину инструментом идеологического обоснования дальнейшего развития и расширения геополитического влияния Российской империи.

Поэтому, можно говорить о том, что в русской консервативной мысли первой половины XIX века сформировалась консервативная концепция, в которой в качестве наивысшей политической ценности рассматривается Россия как мировая держава, а все имеющиеся ресурсы должны быть направлены на достижение и удержание лидирующего положения.

Источники и литература

- 1) Об истории консервативной мысли в России см.: Ширинянц А.А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М.: Издательство Московского университета, 2011.
- 2) Ростопчин Ф. В. Записка графа Ф. В. Ростопчина о политических отношениях России в последние месяцы павловского царствования // Русский архив. — 1878. — Кн. 1. — Вып. 1. — С. 106.
- 3) Погодин М. П. Настоящая война, в отношении к Русской Истории // Русский заграничный сборник. Письма и статьи М. Погодина о политике России, в отношении славянских народов и западной Европы. — Часть IV. — Тетрадь III. — Berlin, 1861. — С. 64.
- 4) Погодин М. П. Второе донесение Министру народного просвещения о путешествии

1842 года, преимущественно в отношении к славянам // Погодин. М. П. Избранные труды / М.П. Погодин — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — С. 221.

- 5) Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Карамзин Н. М. Избранные труды / Н. М. Карамзин. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — С. 293.
- 6) Карамзин Н. М. Освобождение Европы и слава Александра I // Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений. — Л.: Советский писатель, 1966. — С. 309.
- 7) Уваров С. С. Речь Президента Императорской академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании главного педагогического института 22 марта, 1818 года // Уваров С. С. Избранные труды. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — С. 260.
- 8) Стоит отметить, что военная сила в XIX веке (и в последующее время) не утратила своего значения в мировых политических отношениях. Поражение России в Крымской войне 1853–1856 гг. это доказывает. Поэтому «мягкая сила» является лишь дополнительным политическим инструментом для безопасного развития и достижения и мирового лидерства при эффективной экономической базе и военной силе.